

Страсть к безобразию

Писатель приходит на телевидение, чтобы очиститься

Виктор Ерофеев

Есть люди, которые очень боятся телевидения — примерно так же, как в некоторых племенах в тропической Африке женщины боятся фотографироваться. Они считают, что, если их сфотографируют, они отдадут душу дьяволу и их жизненная сила убудет. И есть большое количество писателей и интеллектуалов, которые боятся телевидения и считают, что это тоже — как продать душу. А я как раз решил пойти противоположным путем и решил: а что, если продаваться дьяволу не случайно, не время от времени, а вот так — регулярно? И начал вести еженедельную передачу, где дарю дьяволу сорок минут каждую среду.

Интересные выводы возникают от этой продажи. Во-первых, понимаешь, что мы до сих пор живем в архаическом обществе, где смысл состоит не в том, чтобы проанализировать себя

ность. Человек в нее ныряет, как с аквалангом, и вылавливает те ценности, которые нужны его душе. Скажем, писателя Туркменбаши я бы в передачу не позвал — никакой готовности проанализировать себя у данной персоны нет. Ну а то, что книжка его вышла в Белоруссии, — тут сюрприза нет. Коллеги-президенты друг друга стоят. И Лукашенко вполне мог бы напечататься на туркменском. Но к литературе это все отношения не имеет, это все из области брежневской «Малой Земли».

Вот недавно мы делали передачу «Зависть». Зависть в литературе — одна из самых главных двигательных сил. Все писатели — завистники, это понятно. Потому что, когда вступаешь в мощность такой эмоции — творческой, обязательно оглядываешься по сторонам: кто выживает, а кто нет. Андрей Битов выступил на программе с настоящей исповедью и сказал, что писатель, если он не завистник, он фактически никто. Но если спросить завуалированных,

Почти по Бакунину: страсть к безобразию — есть творческая страсть.

Курт Зелигман. Азартная игра № 2. 1949 г.

Писателя Туркменбаши я бы к себе в передачу не позвал

настолько, чтобы понять, адекватен или неадекватен ты своему бытию, а смысл в том, чтобы завуалировать как-то это свое бытие. Сущность нынешнего российского человека заключается в том, чтобы как можно больше окружить себя тайной, убежищем, потому что, если это тайное убежище снесет ветром или телевизором, обнаружится, что там внутри будет примитивный и очень беспомощный человек. Поэтому из опыта работы на телевизионном канале я понял, что только те люди, у которых по-настоящему есть что сказать, не боятся телевидения, не боятся быть разоблаченными, не боятся быть голыми королями. Программа построена таким образом, что литература выбирается не как предтекст, не как форма для разговора — она выбирается именно как сущ-

прячущихся в своей тайне писателей, они скажут, конечно, что они никогда никому не завидовали. И тут возникают две модели человеческого поведения. Есть люди, которые готовы себя проанализировать, как Битов, выступить с такой исповедью и очиститься, а есть люди, которые предпочитают все это квазить в себе вплоть до того, что душа превращается не только в потемки, она превращается в черный энергетический шар, который готов ударить по всему. Спрашивается: зачем нужен такой черный писатель, который не только боится себя проанализировать, но готов всю эту черную энергию выплеснуть на мир? У нас считается, что анализ — дело западное, дело дьявола вещь, которая разрушит русскую душу. Но русская душа тоже не анализируется — она объ-

является как некая целостность. Поэтому она не рассматривается в одном из самых главных своих компонентов — как страсть к безобразию, которая действительно выстраивает нас как очень важную, самостоятельную нацию. Правда, с этой страстью к безобразию очень трудно строить некие цивилизованные структуры, которые должны бороться с террориз-

мом, строить дороги, не допускать финансовых провалов и пр.

Некоторые считают, что главный тормоз — это население, непродуктивное, аморфное и паразитическое, не стремящееся к ценностям цивилизации. Но те пастыри, что боятся анализа, боятся телевидения, сами же являются примером распада. Если эти пастыри уведут нас в абстракции и в сказки о русской душе,

но сами ничего не производят, кроме страсти к безобразию, — насколько можно вообще на них опираться? А если не на них — то на кого? Получается порочный круг. И пока мы этот круг не разрубим, мы с каждым годом будем катастрофически отставать, и Индия скоро для нас покажется просто землей обетованной — так там будет все красиво, цивилизованно и бога-

то. При всей необъятности нашей души и при всей красоте нашего безобразия мы, если хотим остаться целостной страной, должны провести все-таки анализ своего собственного состояния. Если нет, то уйдем в индийскую деревню, где вымирание как взрослого, так и ребенка рассматривается как стихийное состояние, похожее на дождь или на палящее солнце.